JEL: Q12, Q15, R11
УДК 911.3

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>

Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России

Т.Г. Нефедова

Нефедова Татьяна Григорьевна

доктор географических наук

главный научный сотрудник

Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Российская Федерация

E-mail: trene12@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6511-1938

Аннотация. В статье раскрывается специфика современной пространственной организации сельского хозяйства с использованием полимасштабного подхода на примере европейской части России, ее центральной части, Ярославской области и отдельных муниципальных районов. Проведенное исследование позволило выявить следующие тенденции: возрождение сельского хозяйства после кризиса 1990-х гг. связано в основном с индустриальным сельскохозяйственным производством и расширением в нем доли агрохолдингов; во многих регионах, особенно в Нечерноземье, это происходило в отдельных очагах при забрасывании больших площадей сельскохозяйственных угодий; восстановительный рост сопровождался «перемещением» производства в районы, обеспеченные природными и / или трудовыми ресурсами, а также ближе к потребителю, что наглядно показано на картах и графиках; усиление поляризации по осям «север – юг» и «пригород – периферия» соответствует инвариантам организации российского пространства. Показано, что рост вертикально интегрированных структур в агропромышленном комплексе способствовал решению проблем продовольственного обеспечения населения, особенно в городах, но оказал сильное влияние на сельское пространство. Это привело к сильной поляризации, фрагментации сельского пространства и усилению оттока жителей из экономически неблагополучных районов. Развитию инновационных очагов сопутствовало расширение экономически депрессивной и архаичной сельской местности с застойной безработицей, в которых даже при потере привычных источников не наблюдается активизации мелких частных товарных хозяйств. Как в крупном, так и в малом бизнесе роль человеческого капитала стала ключевой. Способом адаптации сельского населения к безработице и бедности стали теневая самозанятость, включая отходничество, и полунатуральное хозяйство, а не развитие фермерства. «Дачная» экономика, способная затормозить социальное опустынивание территории, также не закрывает проблему поляризации сельского пространства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, пространственная организация, поляризация, сельская местность, пригороды, периферия, европейская часть России

Благодарности. Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы Института географии РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (№ 0148-2019-0008).

Для цитирования: Неведова Т.Г. Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>

Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia

T.G. Nefedova

Tatiana Grigoryevna Nefedova

Doctor of Sciences (Geography)

Chief Research Fellow

Institute of Geography RAS, 29 Staromonetnyy Pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation

E-mail: trene12@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6511-1938

Abstract. The article uses polyscale approach to expand on the specifics of the contemporary spatial organization of agriculture based on the example of the European Russia, its center, Yaroslavl Oblast, and separate municipalities. The study reveals the following trends: the resurrection of agriculture after 1990s crisis caused mainly by industrial agricultural production and expansion of agro-holdings; in many regions, especially in the Non-Chernozem region, it happened sporadically when abandoning vast agricultural lands; recovery was accompanied by ‘moving’ production to regions rich in resources or labor and closer to consumers; increasing polarization along the ‘North – South’ and ‘Suburb – Periphery’ scales. The growth of vertically integrated structures in the agro-industrial sector has improved food security in the cities, but adversely affected the countryside. This led to strong polarization, fragmentation of rural space and increasing out-migration of people from the economically failing regions. The development of innovative centers went hand in hand with the expansion of economically depressive and archaic countryside, characterized by long-term unemployment, during which even the loss of usual sources wasn’t followed by the resurgence of small private enterprises. Labor became the key for both small and large businesses. The rural population adapted to unemployment and poverty through shadow work, including othodnichestvo (temporary labor migration) and semi-subsistence economy, not through development of farming. Economy fueled by the ‘dachas’, while might slow down social desertion, cannot solve the issue of polarizing rural space.

Keywords: agriculture, spatial organization, polarization, countryside, suburbs, periphery, European Russia

Acknowledgements. The study was conducted as part of the scientific research for the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences ‘Problems and prospects of the territorial development of Russia in the conditions of its unevenness and global instability’ (No. 0148-2019-0008).

For citation: Nefedova T.G. Development of the Post-Soviet Agricultural Sector and Rural Spatial Polarization in European Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056> (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В европейской части России в 2017 г. создавалось 85,5% продукции российского сельского хозяйства, в том числе 87% растениеводческой и 84% животноводческой. Это больше, чем в позднесоветские годы, когда вклад этой территории не достигал и 80% (Регионы..., 2019; Сельское хозяйство СССР, 1988). В самой европейской части России увеличились различия между Севером и Югом: нечерноземные регионы уменьшили долю в валовом сельскохозяйственном производстве, в то время как южные регионы стали надежными производителями. Но самые сильные изменения произошли внутри регионов между пригородами больших городов, привлекающими инвестиции и население, и периферией. Усиление различий между отдельными крупными и более дробными частями пространства дает основание говорить о его поляризации. Эти проблемы характерны не только для сельского хозяйства, они давно привлекают внимание исследователей (Грицай и др., 1991; Сжатие..., 2010; Мкртчян, Карачурина, 2013; Ткаченко, Фомкина, 2013; Трейвиш, 2016; Поляризация..., 2018). В зарубежных странах поляризация пространства часто рассматривается в рамках концепций «центр – периферия», однако внимание уделяется не только вопросам их «расхождения», но и проблемам агломерационных зон и возможностям их влияния на окружающие, в том числе периферийные территории (Kuhn, 2015; Leibert, 2013; Smith, Timar, 2010). В области сельского хозяйства зарубежными исследователями чаще рассматриваются структурные изменения в аграрной отрасли, влияющие на ее эффективность и земельные отношения (Wegren, 2014; Visser et al., 2014; Meyfroidt et al., 2016). В России с ее огромными пространственными различиями территориальная дифференциация сельской местности и сельского хозяйства становится объектом изучения географов (Аверкиева и др., 2016; Алексеев, Сафронов, 2017 и др.).

Новые рыночные условия по-разному сказались на экономике в разных регионах и муниципальных районах страны, вызвав в одних местах сильный кризис, вплоть до закрытия убыточных предприятий, а в других – модернизацию предприятий и появление новых эффективных производителей. В сельском хозяйстве эти процессы в целом способствовали подъему отрасли

в 2000-х гг. и усилению ее экспортной ориентации за счет создания быстро развивающихся производств и более эффективного использования природных, инвестиционных и трудовых ресурсов в ареалах роста (Нефедова, 2009; Нефедова, 2017). Однако расслоение производителей привело к сжатию землепользования, появлению больших площадей заброшенных земель и вторичному изменению структуры сельскохозяйственного производства. Эти последствия вызывают неоднозначные оценки общества и властей.

В статье рассматриваются основные пространственные тенденции изменения отрасли на разных масштабных уровнях, их причины и следствия: между макрорегионами Европейской России и ее субъектами / регионами, в том числе более подробно в центральной части России, между муниципальными районами на примере Ярославской области и между отдельными предприятиями. Исследования основаны на использовании стандартной статистики Росстата по регионам и муниципальным районам, а также обследовании автором ряда муниципальных районов России.

ПОСТСОВЕТСКИЙ АГРАРНЫЙ СЕКТОР: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Перелом в состоянии сельского хозяйства после длительного кризиса наступил в конце 1990-х гг., в том числе и благодаря росту курса доллара, сделавшего импорт менее выгодным. Инвесторы обратили внимание на российское сельское хозяйство – сектор с быстрым оборотом средств, особенно в растениеводстве. Сельское хозяйство стало выходить из кризиса, попутно меняя специализацию и организационные формы.

Первичную приватизацию в сельском хозяйстве некоторые экономисты называют «справедливой» (Шагайда, Узун, 2019), так как имущество и земля делились между членами трудового коллектива и пенсионерами. В последующие годы скупка и перераспределение этих паев привели к их концентрации в руках небольшого числа собственников. Если в начале 1990-х гг. число собственников-учредителей средней сельскохозяйственной организации составляло 500 чел., то в 2016 г. половина организаций имели всего одного учредителя, треть – от 2 до 5 (Шагайда, Узун, 2019). Это резко разошлось с целями реформы, направленной на формирование массы мелких хозяйств. Однако причины были не только в активности новых владельцев, скупающих паи, но и в пассивности населения. Через 10 лет после начала реформ опросы показывали, что даже после кризиса коллективных предприятий 80% их работников предпочитали наемный труд (Калугина, 2001, с. 57), сочетая, как и раньше, работу на предприятии с личным подворьем.

Количество фермерских хозяйств, олицетворявших новый тип хозяй-

ствования, в России достигло максимума в 1995 г. (280 тыс.), с тех пор уменьшалось. Последняя сельскохозяйственная перепись 2016 г. зафиксировала 137 тыс. хозяйств, причем реально работают на земле только 2/3. На фоне 17,5 млн подсобных хозяйств населения (Предварительные..., 2017, т. 1) это очень мало.

Тем не менее в разных макрорегионах реформы шли по-разному. На юге Европейской России в регионах с лучшими природными условиями, сохранивших трудовой потенциал, резко усилилась роль фермеров в производстве зерна и подсолнечника (в некоторых районах до 30–40%). Они стали реальными конкурентами сельскохозяйственных организаций, причем не только в сфере производства сельхозпродукции, но и в борьбе за аренду земельных паев населения. В таких регионах различия между фермерскими хозяйствами и сельскохозяйственными организациями все больше размываются. Некоторые крупные растениеводческие фермерские хозяйства с десятками наемных работников воспроизводят структуру колхозов с отдельными бригадами. Повысилась роль фермеров и как организаторов местной социальной жизни. В нечерноземных регионах с сильной потерей сельского населения фермеров любого профиля мало. Семейные фермерские хозяйства чаще занимаются овощеводством. Среди них много мнимых, ведущих подсобное малотоварное хозяйство без отчетов. Во многих «автономиях», сохранивших традиционную культуру (Калмыкии, республиках Северного Кавказа), фермеры вернулись к животноводству.

С 2000-х гг. производство все больше концентрируется в крупных сельскохозяйственных структурах (Барсукова, 2016). По оценкам, агропромышленные холдинги в 2016 г. дали до половины продукции сельскохозяйственных организаций (Шагайда, Узун, 2019), остальное – средние и малые предприятия. Современная статистика сельского хозяйства не отражает реальную картину распространения и роли межрегиональных агропромышленных компаний, поскольку оперирует показателями их низовых звеньев в разрезе регионов. Доля в товарной продукции среднего звена – сельскохозяйственных производственных кооперативов, акционерных обществ, как наследников бывших колхозов и совхозов – постепенно снижается, что говорит о структурной поляризации в отрасли.

В нечерноземных областях два-три предприятия могут давать около половины продукции всех сельскохозяйственных организаций, числом до 100–150. Холдинги, занимающиеся птицеводством и свиноводством, часто сознательно вытесняют малых и средних производителей, захватывая их земли, и, главное, никак не связаны с ними. Этим российское сельское хозяйство отличается от западного, где мелкие фермы часто встроены в работу агрохолдингов (Наумов, 2014; Барсукова, 2016).

СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АГРОСЕКТОРА

Три основных фактора, влияющих на пространственную организацию сельского хозяйства, – природные, трудовые ресурсы и инвестиции в сельское хозяйство – тесно связаны, а два последних зависят и от сети больших городов (Нефедова, 2013).

Природные различия Европейской России заметно повлияли на традиционное расселение и сельское хозяйство. Дробные угодья в центральных и северо-западных регионах, вписанные в мозаику природных ландшафтов, подходили старому мелкокрестьянскому хозяйству, но мешали советскому колхозному строю, удорожая его продукцию при низких урожаях. В позднесоветское и постсоветское время к ним добавился дефицит трудовых ресурсов в связи с сильным миграционным оттоком в города наиболее активной части населения в нечерноземных районах и его старением. В 1990-е гг. нечерноземные районы испытали наиболее глубокий аграрный кризис. Исключением были пригороды крупных центров, куда стягивалось население и шли инвестиции в сельское хозяйство. Иная картина типична для южных регионов Европейской России с благоприятным сочетанием всех факторов, повлиявшим на «сдвиг» в эти регионы производства (Нефедова, 2009; Нефедова, 2017) (*рис. 1*).

Результатом стало сильное сокращение в Нечерноземье в постсоветское время посевных площадей – на 13 млн га (*рис. 2*). С учетом природных и социальных ограничений здесь реально вернуть в оборот не более трети бывших пахотных земель, в основном в местах, не слишком удаленных от больших городов, да и то благодаря агрохолдингам, способным поддерживать свои филиалы с минимумом занятых. Сильные потери посевных площадей испытали степные районы Поволжья и Урала. Их восстановление облегчают безлесность (Люри и др., 2010), спрос на зерно и эффективность его производства. На юге европейской части России потери пашни невелики (1,5 млн га). Там восстановление посевных площадей происходило особенно быстро, причем росла доля зерновых – до 70–90%, в том числе с нарушением севооборотов и истощением земель.

В связи с отказом от политики советского самообеспечения регионов производство зерна резко сократилось в Нечерноземье, смещаясь в районы с лучшими природными предпосылками (*рис. 3*). В 2016–2017 гг. 60% зерна было собрано на юге Европейской России (без Поволжья); южные районы Поволжья и Урала добавили 20%. Еще 10% зерна собрали в Нечерноземье, остальное – на юге Сибири и Дальнего Востока. Некоторые характерные для нечерноземных районов России культуры почти потеряны. Прежде всего, это касается льна.

Рис. 1. Изменение вклада регионов в сельскохозяйственное производство Европейской России в 2016 г. по сравнению с 1990 г.

Fig. 1. Changes of regional contributions in agriculture in the European Russia in 2016 compared to 1990

Рис. 3. Динамика производства зерна, в среднем за 2013–2017 гг. к 1986–1990 гг., %

Fig. 3. Dynamics of grain production, average of 2013–2017 to 1986–1990, %

Рис. 2. Динамика посевных площадей в основных частях (зонах) Европейской России, % к 1990 г.

Fig. 2. Dynamics of sown areas in main parts (zones) of the European Russia, % to 1990

В 2–3 раза сжались площади под кормовыми культурами из-за спада трудоемкого молочного скотоводства. В постсоветский период хозяйства особенно быстро сокращали молочное стадо из-за выбраковки низкопродуктивных пород, нехватки средств для модернизации и их замедленной по сравнению с растениеводством, птицеводством и свиноводством окупаемости. Со времен СССР поголовье крупного рогатого скота сократилось почти вдвое. Особенно сильно оно пострадало в областях Нечерноземья (рис. 4) с обилием лугов и пастбищ, в том числе на заброшенных полях. Однако сильные потери трудовых ресурсов, высокая трудоемкость животноводства и убыточность колхозов при сохранении старых технологий стимулировали их к уменьшению поголовья.

В Нечерноземье сохранились лишь отдельные очаги молочного и мясного скотоводства благодаря новым инвестициям, что усиливает пространственную поляризацию сельского хозяйства. При этом корма для скота агрохолдинги чаще производят в лесостепных и степных районах, а управляющие центры компаний и предприятия по переработке мяса и молока находятся в городах. Поэтому впечатление полного упадка при виде заросших полей и пастбищ порой обманчиво (Путешествие..., 2015, с. 112–145).

В 15 регионах-лидерах европейской части России сосредоточена половина всего поголовья крупного рогатого скота. Если в республиках это отчасти связано с высокой долей личных хозяйств и фермеров, то в других регионах основную роль играют крупные предприятия. Еще сильнее концентрация свиноводства: 15 регионов-лидеров сосредоточили 60% поголовья свиней. Безусловным лидером является Белгородская область – «мясная столица России» – с 18% общероссийского поголовья свиней. При этом 99% областного мяса производят крупные компании. 15 регионов-лидеров про-

изводят 62% мяса Европейской России и 55% мяса всей страны. В советское время эти цифры составляли соответственно 50 и 41%.

При низких зарплатах и повышенной сельской безработице самообеспечение молоком и мясом в личных приусадебных хозяйствах, казалось бы, должно играть существенную роль в районах Нечерноземья, где уменьшилось число работодателей, но есть достаточно природных ресурсов – лугов и пастбищ, в том числе на заброшенных полях. Однако при кризисе и закрытии сельскохозяйственных предприятий от животноводства отказывается и население (*рис. 5*). Его пониженная трудовая активность отчасти объясняется отрицательным социальным отбором из-за длительного миграционного оттока молодой и активной части населения. Если прежде сельское население боролось за каждый квадратный метр покоса для своих частных коров, то теперь трава никому не нужна. Животноводство мелких хозяйств обычно сохраняется там, где больше трудоспособного населения и / или остались предприятия, которые часто расплачиваются с работниками зерном и другими кормами для скота. Существенным препятствием на пути развития товарности немногочисленных мелких хозяйств является невнимание властей к организации сбыта продукции взамен былой потребительской кооперации и системы сдачи части продукции колхозам или местным пищевым предприятиям.

После попыток «самоогораживания» регионов в начале 1990-х гг. межрегиональные производственные связи и поставки продовольствия агрохолдингами стремительно росли. Экономическое пространство стало вполне проницаемым. На первый план вышли такие стимулы производства продовольствия, как его эффективность и городской спрос. При этом в результате кризиса многих предприятий контрасты в уровне самообеспечения регионов увеличились. Агрохолдинги по производству молока по современным технологиям (скот держат беспривязно в современных светлых и проветриваемых помещениях, но без выпаса), а также свинины и птицы концентрируются к югу от Москвы и между Москвой и Санкт-Петербургом, хотя последние производят значительную часть кормов в южных регионах. К ним добавляется расширяющееся мясное пастбищное скотоводство. Сопоставление производства мяса и его потребления выявляет полукольцо южнее Московской области, в так называемом Субчерноземье и Черноземье (*рис. 6*). Эти регионы благоприятнее Нечерноземья для выращивания кормов и притом недалеко от основных потребителей. В Белгородской области производство превышает местное потребление в 9 раз и работает на всю Россию. Экспансия белгородских холдингов в другие регионы не ограничивается сбытом конечной продукции, но касается самого производства, которое они организуют в других областях, например, в Новгородской (Путешествие..., 2015, с. 142–143). Превышение производства молока над потреблением при сокращении стада

Рис. 4. Динамика поголовья крупного рогатого скота, 2016 г. к 1986 г., %

Fig. 4. Dynamics of total number of cattle, 2016 to 1986, %

Рис. 5. Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет, на 01.01.2017 г.

Fig. 5. Total number of cattle in household per 100 of rural population older than 15 years, by 01.01.2017

и местного потребления молочных продуктов сохраняется в некоторых нечерноземных регионах (Вологодская, Кировская области, Удмуртия).

Несмотря на то, что некоторые компании в условиях санкций расширяют бизнес, инвестиционный климат все же оценивается как сложный. В привилегированном положении остаются крупные холдинги, которым легче договориться с федеральными, региональными и районными властями. Разнообразие бизнеса, при котором они могут инвестировать в одни производства за счет средств от других (в рамках своих же компаний), и поддержка властей делают их более устойчивыми. Банки охотнее дают им кредиты в отличие от массового бизнеса – среднего и малого. Для последних доступ на рынки сбыта остается ключевой проблемой. И хотя в магазинах провинциальных городов стали появляться местные продовольственные товары, торговым сетям удобнее иметь дело с крупными поставщиками продукции. Это влияет не только на продовольственную безопасность России, но и на экономическую доступность и разнообразие продуктов питания для населения.

ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Влияние крупных центров, особенно столицы, на сельское хозяйство в своем окружении существенно. Помимо собственно Подмосковья, влияние Москвы испытывают регионы вокруг Московской области – от Смоленской, Калужской, Тверской областей на западе и северо-западе до Ярославской, Владимирской, Рязанской на востоке. Благодаря близости к столичному региону отдельные территории в этих областях стали привлекательными для инвестиций, в том числе в аграрный сектор, на них размещается то, что не помещается или слишком дорого обходится в Москве и Московской области. Однако столица не только выплескивала, но и перехватывала инвестиции, вытягивала трудовые ресурсы из городов и сельской местности. Это усиливало кризис многих предприятий даже на небольшом расстоянии от Московской области.

Для сельского расселения вокруг Московской области характерны сильная поляризация и повышенная доля малых деревень с населением менее 50 чел. Именно здесь, особенно к северу от Московской области, находится наибольшее число исчезающих деревень менее чем с 10 жителями и без постоянного населения (Ткаченко, Фомкина, 2012). Их доля в Ярославской, Костромской, Тверской областях достигает 2/3, в остальных – около половины. Сельская местность этих регионов со стареющим сельским населением и продолжающей уезжать молодежью испытывает наиболее сильные последствия урбанизации XX в.

Сельское хозяйство областей, окружающих Московскую область, проигрывает не только южным регионам с более благоприятными природными условиями, но и Московской области, которая при таких же потерях посевных площадей благодаря концентрации инвестиций и человеческого капитала (в том числе и за счет трудовых мигрантов) производит в 2–3 раза больше мяса и молока, чем любая из окружающих ее областей (рис. 7 и 8) (Нефедова, 2019). Это позволило ей после кризиса 1990-х гг. при сильной востребованности земли строительным бизнесом и дачниками стать мощным сельскохозяйственным производителем в Центральном Нечерноземье (рис. 8).

Рис. 7. Динамика посевных площадей в центре России, 1990–2017 гг., тыс. га

Fig. 7. Dynamics of sown areas in Central Russia, 1990–2017, thousand ha

Источник: Регионы..., 2019.

Рис. 8. Динамика производства мяса скота и птицы на убой в центре России, 1990–2017 гг., тыс. т

Fig. 8. Dynamics of cattle and poultry meat production in Central Russia, 1990–2017, thousand metric tons

Источник: Регионы..., 2019.

Животноводческие модернизированные предприятия вокруг Московской области чаще располагаются ближе к ее границам или к большим городам в своих регионах, где есть транспортная сеть, рынки сбыта. Это соответствует общей тенденции пространственной концентрации инвестиций в центре России.

Хотя агрохолдинги предлагают новые рабочие места, при высокой механизации их гораздо меньше, чем в советских колхозах и совхозах. Поэтому сельская безработица при неразвитости сети услуг и повышенная бедность сельского населения – типичная черта этих регионов, расположенных не так далеко от Москвы, а возможность выжить значительной части трудоспособного сельского населения дает отходничество в Москву, Московскую область и столицы регионов (Между домом..., 2016, с. 139–194) с ритмом неделя / две недели / месяц на работе, столько же дома (рис. 9). Это отчасти сдерживает поляризацию социального пространства, так как семьи отходников остаются в сельской местности, однако для многих готовит платформу для последующего переезда в Московскую агломерацию.

ВНУТРИОБЛАСТНЫЕ КОНТРАСТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ПРИМЕР ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Внутри регионов центра России контрасты еще сильнее и связаны в основном с социальной поляризацией сельского пространства. И во второй половине XX в. (Июффе, Нефедова, 2001), и в XXI в. (Мкртчян, Карачурина, 2013; Нефедова, 2013) пригороды больших городов и периферия регионов имели противоположные векторы динамики сельского населения. Муниципальные районы, непосредственно примыкающие к столицам регионов, продолжали привлекать сельское население, особенно молодое (Мкртчян, 2019), «вытягивая» его из периферийных районов, усиливая контрастность социального пространства. О положительной динамике населения и устойчивости сети расселения в этих регионах можно говорить только применительно к 5–10% рассматриваемой территории, в то время как обширные сельские пространства продолжают катастрофически терять трудовые ресурсы. В таких условиях на периферии выживают лишь единичные сельскохозяйственные предприятия при упадке мелкого хозяйства. Пригородно-периферийная организация сельской местности, характерная и для советского времени, воспроизводится здесь в принципиально иных институциональных и экономических условиях. Рассмотрим это на локальном примере.

Ярославская область олицетворяет собой типичный нечерноземный регион. Изменение ее сельской местности в значительной степени зависит

Рис. 6. Отношение производства мяса к его потреблению в регионах в 2017 г., число раз

Fig. 6. Meat production to consumption ratio in the regions, 2017, times

Рис. 9. Доля сельского населения, работающего в другом регионе, к численности сельского населения в трудоспособном возрасте, %

Fig. 9. Share of rural population working in a different region, compared to rural population of working age, %

Источник: по данным Всероссийской переписи населения, 2010.

от Москвы и Ярославля – самого крупного центра в окружении столицы. Область испытала наиболее сильные потери сельского населения в советские годы (рис. 10). В 1990-х гг., как и другие регионы вокруг Московской агломерации, она приняла значительный поток мигрантов, чаще русских из бывших советских республик, которые отчасти нивелировали отток местного населения в пригородах и даже в удаленных от городов районах (важнее были жилье и земля). Однако с 2000 г. пригородно-периферийные различия в динамике сельского населения восстановились, что весьма типично для всего Нечерноземья, а в 2010-х гг. только в пригороде Ярославля наблюдался прирост населения. При этом, если в пригороде доля населения старше трудоспособного возраста составляла в 2018 г. 25%, то на полупериферии она увеличивается до 35%, а на периферии области в Брейтовском, Некоузском, Пошехонском районах достигает 40%, сочетаясь с повышенной алкоголизацией трудоспособного населения.

Рис. 10. Численность сельского населения в Ярославской области во второй половине XX – начале XXI в. в муниципалитетах разной степени удаленности от областного центра, тыс. чел.

Fig. 10. Rural population numbers in the Yaroslavl Oblast in the second half of the XX century – the beginning of the XXI century in the municipalities of different remoteness from the center, thousand people

Источники: Демографические..., 1996; данные Госкомстата по муниципальным образованиям России.

Поляризация социального пространства была и причиной, и следствием поляризации пространства экономического. Эта взаимозависимость была замечена и описана Г.В. Иоффе еще в советское время (Иоффе, 1990). Кризис большинства лишившихся советских дотаций колхозов и совхозов в Нечерноземье и снижение активности населения в личном сельском хозяйстве усилили значение экономических факторов. Однако изменения были неоднозначны. В 2018 г. производство зерна в области составляло лишь 18% от

уровня 1990 г., молока – 64%, при этом производство мяса возросло – 102% (Народное..., 1991; Ярославия, 2019). Относительно равномерная (хотя и мозаичная с учетом залесенности) сельскохозяйственная освоенность территории сменилась резко поляризованным развитием сельского хозяйства. Если еще в 1975 г. два района-лидера в зерновом хозяйстве – пригородный Ярославский и полупригородный Ростовский – производили 15% областного объема зерна, то в 2018 г. – 38%, хотя в них и осталось 40 и 25% былого производства (рис. 11). Но в остальных районах потери были сильнее – осталось от 1 до 20% советских объемов зерна. Еще больше территориальная концентрация в животноводстве. Ярославский и примыкающий к Московской области Переславский районы, бывшие прежде лидерами, давали 13% областного мяса. Переславский район все больше становится дачной зоной москвичей, зато в пригороде Рыбинска, второго после Ярославля большого города области, был построен животноводческий комплекс, на котором сконцентрировалось 80% производства областного мяса, а вместе с ярославским пригородом – 85%. Доля двух районов-лидеров в производстве молока увеличилась с 10 до 51%. Помимо ярославского пригорода это Борисоглебский район к югу от Ярославля, где расположился крупный агрохолдинг АО «СПХ Вошажниково» с филиалами в ближайших к Москве районах, 8000 голов скота, собственным молокоперерабатывающим заводом и мясным цехом.

Рис. 11. Доля двух районов-лидеров Ярославской области в производстве сельскохозяйственной продукции, 1975–2018 гг., %

Fig. 11. Share of two leading districts of the Yaroslavl Oblast in the agricultural production, 1975–2018, %

Источники: Народное..., 1991; Ярославия, 2007, 2019.

Обследование сельских поселений и предприятий Ростовского района Ярославской области показало, что выжили и укрепились в последние 30 лет единицы. Значительная часть территории района расположена на

плодородных почвах вокруг озера Неро и издревле известна развитием огородничества (Саушкин, 1960; Нефедова, 2013, с. 133–134). Оно существенно сжалось при сильном сокращении сельского населения и сохранилось в основном на уровне личных подсобных хозяйств. Продажу в приозерных селах овощей, особенно лука, на трассе Москва – Ярославль нельзя не заметить. Из бывших крупных советских предприятий выжили единицы, при этом огромную роль сыграла личность их руководителей, как правило, с сильным характером, которые сумели не разрушить в 1990-х гг. материальную базу, сохранить ядро работников-профессионалов, неизбежно сократив персонал, и вписаться в новые рыночные условия. Яркие примеры таких предприятий – ЗАО «Новый путь» недалеко от поселка Петровское или ООО «Красный Маяк» под Ростовом. Руководитель последнего даже «взял на поруки» бывший в советское время лучшим в районе совхоз «Кыргызстан», который довела до банкротства опекавшая его областная администрация. Однако главным фактором сохранения сельского хозяйства стали внешние инвестиции из крупных центров и создание агрохолдингов и их филиалов. Например, плодородные земли бывшего совхоза «Овощевод» на берегу озера Неро рядом с Ростовом выкупил столичный агрохолдинг ЗАО «Белая дача», создав дочернее предприятие ООО «АгроНеро», поставляющее овощи в Москву. Его земли резко выделяются ухоженностью на фоне зарастающих молодым лесом полей остальных, не вписавшихся в новые условия. Московские инвестиции помогают выживанию и традиционных местных предприятий, например, ЗАО «Пореченский консервный завод», которое не только производит овощные (зеленый горошек), мясные консервы, сгущенное молоко, покупая сельскохозяйственную продукцию у оставшихся агропредприятий, но и приобретает их земли. Отдельные фермерские хозяйства, в том числе с небольшими магазинчиками, организуют в основном горожане из Ростова или Москвы. Это характерно и для других районов в окрестностях Московской агломерации (Пивовар и др., 2018).

При столь сильной концентрации сельскохозяйственной деятельности на единичных крупных предприятиях (см. *рис. 11*) и механизации труда, сравнительно небольшом числе фермерских хозяйств, неразвитости других видов малого бизнеса рабочих мест, кроме бюджетной сферы, крайне мало. В Ярославской области, даже после многолетней сильной убыли населения, в сельских периферийных и полупериферийных районах живет еще около 100 тыс. чел. (см. *рис. 10*). И хотя эти внутренние территории между большими городами на сравнительно небольшом удалении от Московской агломерации трудно отнести к неперспективным, молодежь продолжает уезжать. Привлечь ее в сельскую местность очень сложно, учитывая, что даже

в ближайшем к Московской области Переславском районе газифицировано лишь 30% населенных пунктов.

Наиболее привлекательны не только пригороды, но и территории регионов, окружающих Московскую область, для дачников. Число дачных домохозяйств в них уже превышает, согласно последней сельскохозяйственной переписи (Предварительные..., 2017), число хозяйств сельских жителей (Между домом..., 2016, с. 364). А средний размер садового товарищества в соседних с Московской областью регионах по числу домохозяйств больше, чем средний размер сельского населенного пункта в соответствующей области. Востребованы горожанами для сезонного отдыха и сельские дома, что способствует сохранению малых деревень. Хотя официальной статистики о сезонных городских жителях деревень нет, обследования не только ближайших к Московской области, но и удаленных районов показало, что во многих из них число горожан – собственников домов также превышает число местных жителей (там же). Именно от горожан идут многие инициативы развития сельской местности, даже если они находятся в ней несколько месяцев в году. Таким образом, в сельской местности в центре России, помимо привычной для психологии властей аграрной экономики, формируется дачно-рекреационная с пульсирующей по сезонам года и невидимой официальной статистике сеть расселения. Это стимулирует возникновение разнообразных, часто неформальных, услуг для обслуживания городских дачников, тем самым задерживая население, в том числе молодежь, в сельской местности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне депопуляции сельской местности и упадка в постсоветское время многих отраслей сельской экономики современное сельское хозяйство в целом развивающаяся и модернизирующаяся отрасль. При этом в самой отрасли происходит усиление пространственных контрастов, что приводит к увеличению неравномерности развития целых регионов и их отдельных частей.

Кризис и реформирование сельского хозяйства в постсоветское время способствовали двум разнонаправленным организационным процессам. С одной стороны, произошли деконцентрация, разделение и сжатие производства на многих советских предприятиях, вплоть до их закрытия. С другой стороны, концентрация производства усилилась за счет формирования новых крупных агропромышленных структур. Резонансные эффекты трансформации сельского хозяйства проявились особенно сильно в Нечерноземье. Сельское хозяйство стало более индустриальным, но при этом

выборочно-очаговым, что привело к подрыву экономической базы многих сельских поселений, в том числе сокращению занятости. Для развития сельских территорий необходимо множество разных производителей, причем не только сельскохозяйственных, от крупных до мелких.

Рост вертикально интегрированных структур в агропромышленном комплексе способствовал решению проблем продовольственного обеспечения населения, особенно в городах, но оказал сильное влияние на сельское пространство. Восстановительный рост сопровождался «перемещением» производства в районы, обеспеченные природными и / или трудовыми ресурсами, а также ближе к потребителю. Сельское хозяйство стягивалось в пригороды и южные зоны. Инварианты пространственного развития России по осям «север – юг» и «пригород – периферия» выявились особенно ярко. Это привело к сильной поляризации, фрагментации сельского пространства и усилению оттока жителей из экономически неблагополучных районов. Развитию инновационных очагов сопутствовало расширение экономически депрессивной и архаичной сельской местности с застойной безработицей. Но даже при потере привычных источников в таких районах не наблюдается активизации мелких частных товарных хозяйств. Как в крупном, так и в малом бизнесе роль человеческого капитала стала ключевой. Не столько фермерство, сколько теневая самозанятость, включая отходничество, и полунатуральное хозяйство стали способом адаптации сельского населения к безработице и бедности.

Тот факт, что пригородно-периферийная организация не только расселения, но и экономики, сложившаяся еще в советское время, воспроизводится во многих регионах России, особенно в Нечерноземье, в принципиально иных институциональных и экономических условиях, свидетельствует о неких инвариантах организации российского пространства. Остановить отток населения в крупные города и тем более повернуть его вспять, особенно в староосвоенных нечерноземных районах Европейской России, вряд ли удастся, но затормозить возможно. Учитывая изменение организации отрасли, важна поддержка любых форм среднего и малого бизнеса в сельской местности и сохранение транспортной и социальной инфраструктуры с рабочими местами хотя бы там, где еще есть население. Тем не менее политика объединения сельских поселений и включения обширных сельских районов в городские округа, сокращение бюджетной сферы на практике ведут к увеличению оттока населения и усилению поляризации сельского пространства.

При количественном и качественном истощении человеческого капитала развитие этих староосвоенных районов может базироваться не только на оптимизации сельского хозяйства, но и на внедрении элементов рекреаци-

онного ландшафтно-культурного, в том числе дачного, природопользования. Однако и «дачная» экономика способна лишь затормозить социальное опустынивание территории, поскольку также характерна для пригородов, а в удаленных местах – для доступных и наиболее ландшафтно привлекательных. Это не закрывает проблему поляризации сельского пространства России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В., Данышин А.И., Землянский Д.Ю., Ламанов С.В.* Стратегические вызовы развития сельского хозяйства России // Региональные исследования. 2016. № 4 (54). С. 56–66.
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Личное подсобное хозяйство в регионах России в конце XX – начале XXI в. // Региональные исследования. 2017. № 4. С. 24–35.
- Барсукова С.Ю.* Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 63–74.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
- Демографические процессы в Ярославской области за 60 лет: аналитико-статистический сборник. Ярославль, 1996. 240 с.
- Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. М.: Наука, 1990. 164 с.
- Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г.* Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.
- Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 196 с.
- Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г.* Динамика сельскохозяйственных земель в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010. 416 с.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 2016. 504 с. <https://dx.doi.org/10.15356/ВНАН2016>
- Мкртчян Н., Карачурина Л.* Региональные столицы и глубинка // Демоскоп Weekly. 2013. № 575–576. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema06.php> (дата обращения: сентябрь 2019).
- Мкртчян Н.В.* Миграции в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 1 (3). С. 39–51. <https://dx.doi.org/10.3897/roreson.3.e34780>
- Народное хозяйство Ярославской области в 1990 г. / Госкомстат РСФСР. Ярославское управление статистики. Ярославль, 1991.
- Наумов А.С.* Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земельных ресурсов // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2014. № 3. С. 63–74.
- Нефедова Т.Г.* Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. 2009. № 1 (44). С. 62–77.
- Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.

- Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 5. С. 7–18. <https://dx.doi.org/10.7868/S0373244417050012>
- Нефедова Т.Г. Сельская местность на удаленных подступах к Москве // ЭКО. 2019. Т. 49. № 4. С. 50–70. <https://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-4-50-70>
- Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гавриленко А.С., Гусаков Т.Ю., Дельва К.И., Корюхин Д.М. Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 2. С. 102–104.
- Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина, 2018. 416 с.
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам Российской Федерации. Т. 2 / ФСГС. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017. 1110 с.
- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2018 / ФСГС. 2018. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: октябрь 2019).
- Саушкин Ю.Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947. 423 с.
- Сельское хозяйство в России. М.: Госкомстат России, 1998.
- Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010. 428 с.
- Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Глубинка Центральной России: опыт формализованного выделения // Российская глубинка: модели и методы изучения. М.: Эслан, 2012. С. 49–62.
- Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 51–71.
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России / РАНХиГС. М.: Издательский дом «Дело», 2019. 98 с.
- Ярославия. Города и районы области за 2016 год / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области. 2017.
- Kuhn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // European Planning Studies. 2015. Vol. 23. Issue 2. Pp. 367–378. <https://dx.doi.org/10.1080/09654313.2013.862518>
- Leibert T. The Peripheralization of Rural Areas in Post-Socialist Central Europe: A Case of Fragmenting Development? Lessons from Rural Hungary // Peripeharalization. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice / Edited by A. Fischer-Tahir, M. Naumann. Wiesbaden: Springer, 2013. Pp. 101–120.
- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmerle T. Drivers, Constraints and Trade-Offs Associated with Recultivating Abandoned Cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan // Global Environmental Change. 2016. Vol. 37. Pp. 1–15. <https://dx.doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.01.003>
- Smith A., Timar J. Uneven Transformations: Space, Economy and Society 20 Years After the Collapse of State Socialism // European Urban and Regional Studies. 2010. Vol. 17. Issue 2. Pp. 115–125. <https://dx.doi.org/10.1177/0969776409358245>

- Visser A., Spoor M., Mamonova N. Is Russia the Emerging Global 'Breadbasket'? Re-cultivation, Agrohholdings, and Grain Production // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. Issue 10. Pp. 1589–1610. <https://dx.doi.org/10.1080/09668136.2014.967569>
- Visser O., Spoor M. Land Grabbing in Post-Soviet Eurasia. The World's Largest Land Reserves at Stake // *The Journal of Peasant Studies*. 2011. Vol. 38. Issue 2. Pp. 299–324. <https://dx.doi.org/10.1080/03066150.2011.559010>
- Wegren S.K. Rural Inequality in Post-Soviet Russia // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61. Issue 1. Pp. 52–64. <https://dx.doi.org/10.2753/PPC1075-8216610104>

REFERENCES

- Agriculture in Russia*. Moscow: Goskomstat of Russia, 1998. (In Russian).
- Alekseev A.I., Safronov S.G. Private Farms in the Regions of Russia in the Late XX – Early XXI Centuries. *Regionalnye Issledovaniya* [Regional Researches], 2017, no. 4, pp. 24–35. (In Russian).
- Averkieva K.V., Danshin A.I., Zemlyanskii D.Yu., Lamanov S.V. Strategic Challenges for Russia Agriculture Development. *Regionalnye Issledovaniya* [Regional Researches], 2016, no. 4 (54), pp. 56–66. (In Russian).
- Barsukova S.Yu. The Dilemma of the 'Farmers vs Agricultural Holdings' in the Context of Import Substitution. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 2016, no. 5, pp. 63–74. (In Russian).
- Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia*. Edited by T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova. Moscow, 2016, 504 p. <https://dx.doi.org/10.15356/BHAH2016> (In Russian).
- Compression of Social and Economic Space: New in the Theory of Regional Development and Practice of its State Regulation*. Edited by S.S. Artbolevskii, L.M. Sintserov. Moscow, 2010, 428 p. (In Russian).
- Demographic Processes in the Yaroslavl Oblast for 60 Years. Analytical and Statistical Collection*. Yaroslavl, 1996, 240 p. (In Russian).
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Centre and Periphery in Regional Development*. Moscow, 1991, 168 p. (In Russian).
- Ioffe G.V. *Agriculture of the Non-Black Earth Region: Territorial Problems*. Moscow, 1990, 164 p. (In Russian).
- Ioffe G.V., Nefedova T.G. Centre and Periphery in Agriculture of Russian Regions. *Problemy Prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2001, no. 6, pp. 100–110. (In Russian).
- Kalugina Z.I. *The Paradoxes of Agrarian Reform in Russia: A Sociological Analysis of Transformation Processes*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, 2001, 196 p. (In Russian).
- Kuhn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities. *European Planning Studies*, 2015, vol. 23, issue 2, pp. 367–378. <https://dx.doi.org/10.1080/09654313.2013.862518>
- Leibert T. The Peripheralization of Rural Areas in Post-Socialist Central Europe: A Case of Fragmenting Development? Lessons from Rural Hungary. *Peripeharalization. The Making of Spatial Dependences and Social Injustice*. Edited by A. Fischer-Tahir, M. Naumann. Wiesbaden: Springer, 2013, pp. 101–120.
- Lyuri D.I., Goryachkin S.V., Karavaeva N.A., Denisenko E.A., Nefedova T.G. *Dynamics of Agricultural lands of Russia in XX Century and Postagrogenic Restoration of Vegetation and Soils*. Moscow, 2010, 416 p. (In Russian).

- Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmerle T. Drivers, Constraints and Trade-Offs Associated with Recultivating Abandoned Cropland in Russia, Ukraine, and Kazakhstan. *Global Environmental Change*, 2016, vol. 37, pp. 1–15. <https://dx.doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2016.01.003>
- Mkrtchyan N., Karachurina L. Regional Capitals and Hinterland. *Demoscope Weekly* [Demoscope Weekly], 2013, no. 575–576. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0575/tema06.php> (accessed September 2019). (In Russian).
- Mkrtchyan N.V. Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Naselenie i Ekonomika = Population and Economics*, 2019, no. 1 (3), pp. 39–51. <https://dx.doi.org/10.3897/popecon.3.e34780> (In Russian).
- National Economy of Yaroslavl Oblast in 1990*. Goskomstat of the RSFSR. Yaroslavl Department of Statistics. Yaroslavl, 1991. (In Russian).
- Naumov A.S. Regional Development of Agriculture in Foreign Countries of Europe and in Russia in the Global Food Interdependence and Land Scarcity. *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika = Rudn Journal of Economics*, 2014, no. 3, pp. 63–74. (In Russian).
- Nefedova T.G. Polarization of Russian Space: Areas of Growth and ‘Black Holes’ *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii = Economics of Contemporary Russia*, 2009, no. 1 (44), pp. 62–77. (In Russian).
- Nefedova T.G. *Ten Topical Issues about Rural Russia: A Geographer’s Viewpoint*. Moscow, 2013, 456 p. (In Russian).
- Nefedova T.G. The Countryside in the Remote Outskirts of Moscow. *EKO = ECO Journal*, 2019, vol. 49, no. 4, pp. 50–70. <https://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-4-50-70> (In Russian).
- Nefedova T.G. Twenty-Five Years of Post-Soviet Russian Agriculture: Geographic Trends and Contradictions. *Regional Research of Russia*, 2017, vol. 7, issue 4, pp. 311–321. <https://doi.org/10.1134/S2079970517040074> (In Russian).
- Pivovarov G.A., Alexeev A.I., Gavrilenko A.S., Gusakov T.Y., Delva K.I., Koryukhin D.M. Growing Polyfunctionality of the Countryside: Case Study of an Area at the Edge of Moscow Agglomeration. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya = Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 2018, no. 2, pp. 102–104. (In Russian).
- Polarization of Russian Space: Economic, Social, Cultural and Geographical Aspects*. Edited by V.N. Streletskii. Moscow, 2018, 416 p. (In Russian).
- Preliminary Results of the All-Russian Agricultural Census of 2016 for the Russian Federation Subjects*. Vol. 2. Federal State Statistics Service. Moscow, 2017, 1110 p.
- Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2002–2018*. Federal State Statistics Service. 2018. Available at: <https://gks.ru/folder/210/document/13204> (accessed October 2019) (In Russian).
- Saushkin Yu.G. *Geographical Essays of the Nature and Agricultural Activities of the Population in Various Regions of the Soviet Union*. Moscow, 1947, 423 p. (In Russian).
- Shagaida N.I., Uzun V.Ya. *Growth Drivers and Structural Changes in Russian Agriculture*. RANEP. Moscow, 2019, 98 p. (In Russian).
- Smith A., Timar J. Uneven Transformations: Space, Economy and Society 20 Years After the Collapse of State Socialism. *European Urban and Regional Studies*, 2010, vol. 17, issue 2, pp. 115–125. <https://dx.doi.org/10.1177/0969776409358245>
- The Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later. Book 1: Two Centuries of Russian History between Moscow and Saint-Petersburg*. Edited by T.G. Nefedova, A.I. Treivish. Moscow, 2015, 240 p. (In Russian).
- Tkachenko A.A., Fomkina A.A. The Hinterland of Central Russia: Experience of Formal-

- ized Allocation. *Russian Hinterland: Models and Methods for Studying*. Moscow, 2012, pp. 49–62. (In Russian).
- Treivish A.I. The Rural-Urban Continuum: Regional Dimensions. *Voprosy Geografii* [Problems of Geography], 2016, no. 141, pp. 51–71. (In Russian).
- Visser A., Spoor M., Mamonova N. Is Russia the Emerging Global ‘Breadbasket’? Re-cultivation, Agroholdings, and Grain Production. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, issue 10, pp. 1589–1610. <https://dx.doi.org/10.1080/09668136.2014.967569>
- Visser O. M. Spoor. Land Grabbing in Post-Soviet Eurasia. The World’s Largest Land Reserves at Stake. *The Journal of Peasant Studies*, 2011, vol. 38, issue 2, pp. 299–324. <https://dx.doi.org/10.1080/03066150.2011.559010>
- Wegren S.K. Rural Inequality in Post-Soviet Russia. *Problems of Post-Communism*, 2014, vol. 61, issue 1, pp. 52–64. <https://dx.doi.org/10.2753/PPC1075-8216610104>
- Yaroslaviya. Cities and Districts of the Yaroslavl Oblast for 2016*. Territorial Body of the Federal State Statistics Service of the Yaroslavl Oblast, 2017.

Поступила в редакцию / Submitted: 14.10.2019

Принята к публикации / Revised: 05.12.2019

Опубликована online / Published online: 25.12.2019